

На правах рукописи

Хорошевский Георгий Александрович

Становление и развитие отношений РФ и ФРГ в 1994-2005 гг.

Специальность: 5.6.7

История международных отношений и внешней политики

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель:

Ростиславлева Наталья Васильевна

доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Филитов Алексей Митрофанович

доктор исторических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт всеобщей истории
Российской академии наук, отдел
истории международных отношений и
интеграции академической науки,
главный научный сотрудник

Тимошенкова Екатерина Петровна

кандидат исторических наук,
федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Европы
Российской академии наук, отдел социальных
и политических исследований,
ведущий научный сотрудник

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Защита состоится «05» июня 2026 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01 (по историческим наукам), созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/khoroshevskiy-georgiy-aleksandrovich.php>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь

Барышева Елена Владимировна

диссертационного совета

доктор исторических наук, доцент

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется тем, что российско-германские отношения в постбиполярный период стали одним из ключевых узлов европейской политики: именно на линии Москва – Берлин в концентрированном виде проявлялись как возможности кооперации, так и пределы сближения России с меняющейся Европой. В условиях затяжного кризиса европейской безопасности возрастает значение исторически выверенного анализа механизмов взаимодействия двух стран в период, предшествовавший радикализации противоречий. Реконструкция логики правового оформления отношений, накопленных противоречий и устойчивых сюжетов повестки позволяет глубже понять как динамику российско-германских связей, так и состояние международных отношений в Европе.

Особую значимость приобретает рассмотрение российско-германского взаимодействия как двухуровневого процесса, развивавшегося одновременно в межгосударственном формате и в общеевропейском контуре. Германия выступала не только как самостоятельный актер с собственными интересами, исторической памятью и внутривнутриполитическими ограничениями, но и как ведущий участник ЕС, действующий внутри системы коллективных норм и процедур. В результате диалог с Москвой формировался под воздействием как двусторонних факторов, так и более широких общеевропейских трендов: институционального развития ЕС, его расширения и конкурирующих представлений о европейском порядке и безопасности.

В этой связи принципиально значимым является период 1994–2005 гг. Именно в эти годы российско-германский диалог приобрел устойчивые форматы, развивался в связке с общеевропейскими правовыми и политическими механизмами, сопровождался расширением повестки и институционализацией каналов кооперации. Вместе с тем именно тогда все отчетливее проявлялся разрыв между плотностью договорно-правового оформления отношений и реальными результатами сотрудничества.

Указанная совокупность обстоятельств определяет научную проблему исследования: при наличии разветвленной договорно-институциональной базы и расширяющейся повестки российско-германское взаимодействие в 1994–2005 гг. не трансформировалось в устойчивый механизм сотрудничества, способный воспроизводиться в условиях внешних и внутренних вызовов. Следовательно, требуется выявить условия и механизмы, определявшие траекторию отношений в правовой, политической, экономической и гуманитарно-научной сферах, а также установить причины расхождения между нормативным наполнением и практикой международного взаимодействия.

Степень изученности темы. Проведенный анализ историографии позволил структурировать всю релевантную литературу по двум основным блокам.

Первый блок включил в себя исследовательские работы, посвященные анализу комплекса отношений между ЕС и РФ.

Одним из стержневых направлений выступает *эволюция правового измерения отношений*. Поскольку ЕС представляет собой сложную наднациональную и многоуровневую конструкцию, отечественные исследователи уделяли значительное внимание тому, как процессы европейской интеграции влияли на характер диалога с Москвой. В этом отношении особое значение имеют работы Ю. А. Борко, обращавшего внимание на расхождение между декларируемой партнерской риторикой и практикой взаимодействия. В сходной проблемной логике, но с иными акцентами, рассуждает Т. В. Бордачев, предложивший идею «большой сделки» как возможной формулы балансирования интересов России и Европы. Последствия расширения ЕС, новые возможности и новые ограничения европейской политики на восточном направлении нашли отражение в трудах К. К. Худолея.

Юридическая сторона отношений ЕС и России и конфликтные зоны, возникавшие в ходе соприкосновения различных правовых режимов,

получили освещение в исследованиях Т. А. Романовой, Л. О. Бабыниной и Г. Р. Шайтхудиновой. Особое место занимает статья А. М. Филитова, анализирующая исторические предпосылки формирования немецкого самосознания и тем самым позволяющая точнее понять интеграционную ориентацию ФРГ на фоне кризиса понятия «нации».

В *зарубежной дискуссии* заметен устойчивый интерес к описанию ЕС как «нормативной силы». Работы Д. Крюгера, Е. Крамера, П. Боровски подчеркивают зависимость нормативных амбиций ЕС от геополитической реальности и трансатлантического контекста, тогда как М. Баун, Ф. Лаурсен и А. Моравчик акцентируют ценностную составляющую европейской внешней политики, связывая глубину интеграции с волей государств-членов. Для российской проблематики особенно значимы выводы Х. Тиммермана и А. Маасса, показывающие, что расширение нормативной повестки ЕС на восточном направлении усиливало в Москве восприятие этой политики как формы давления.

Работы, ориентированные на анализ *политического контекста международных отношений*, вносят разнообразие в исследовательскую оптику.

Политический контекст и сфера европейской безопасности в сюжете взаимодействия ЕС и России раскрываются в трудах С. И. Водорезова, Н. К. Арбатовой, Д. А. Данилова, О. А. Барабанова. Их исследования позволяют увидеть, как европейские институты пытались осмыслить свою роль в сфере безопасности и каким образом кризисные события 1990-х гг., прежде всего югославский конфликт, влияли на формирование нового международного порядка.

В *зарубежных* исследованиях близкие вопросы поднимаются в работах М. Эмерсона, В. Кнелангена, А. Цыганкова, Г. Шпангера, Г. Адомайта и Л. Райнера, где рассматриваются пределы европейского проекта, реакция России на расширение европейского пространства и противоречие между декларативными целями и политической практикой.

Экономическое измерение отношений ЕС и РФ представлено прежде всего в трудах *отечественных* ученых: В. Б. Белова, А. В. Кузнецова, И. С. Гладкова, В. А. Летова, С. Л. Ткаченко, в которых анализируются структура торговли, прямые иностранные инвестиции, тарифные и нетарифные меры регулирования, а также энергетическая асимметрия как важнейшая характеристика отношений России и Европы.

Среди *зарубежных* ученых именно проблема асимметрии торговых отношений является частым выводом экономических аналитических работ. Как правило, авторы апеллируют к состоянию энергетической безопасности ЕС в целом, указывая на низкую диверсификацию поставок энергоресурсов. Такая логика встречается в работах Е. Ван дер Мелена, А. Криковича.

Вопросы **культурно-гуманитарного взаимодействия** между ЕС и РФ поднимались в работах *отечественного* исследователя В.А. Барабанова, систематизировавшего правовые нормы межкультурного сотрудничества.

Интерес *зарубежных* исследователей чаще сосредоточен на прикладных формах кооперации, прежде всего в высокотехнологичных и научных сферах, что видно по исследованию М. Шпизберге.

Во **втором блоке** объединены труды, посвященные анализу межгосударственных отношений между ФРГ и РФ.

Оценка состояния межгосударственных отношений, особенно в период становления РФ как нового участника международной арены, осуществляется посредством *анализа правовой базы*. Правовые и исторические основания двустороннего взаимодействия раскрываются прежде всего в трудах Н. В. Павлова, последовательно рассматривавшего генезис и эволюцию отношений Германии с Россией еще на позднесоветском этапе. Существенным дополнением к этой логике служит работа В. В. Фрольцова, подчеркивающего, что элементы будущей кооперации начали складываться уже в последние годы существования СССР, в т.ч. через подписание договора о добрососедстве.

Политическое содержание российско-германских отношений на национальном уровне по-разному трактуется в отечественной историографии.

И. Ф. Максимычев рассматривает Германию как самостоятельную силу, чья политика определяется не только текущими коалиционными конфигурациями, но и глубинной геополитической логикой. Более оптимистичную трактовку предлагает А. И. Егоров, связывающий начало 2000-х гг. с этапом реального сближения и попыткой выстраивания стратегического партнерства. Различие между этими подходами во многом объясняется разной хронологической оптикой.

Для понимания внутривнутриполитических оснований германской внешней политики особенно значимы труды Е. П. Тимошенко, посвященные коалиционному строительству в ФРГ и его влиянию на внешнеполитический курс. Более конкретные вопросы развития отношений России и Германии в период канцлерства Г. Шредера получили освещение в исследованиях А. Н. Кирилловой. Существенное значение для настоящей работы имели также исследования В. И. Васильева, А. В. Валугина и К. Б. Божик, посвященные роли личностного фактора в международных отношениях.

Зарубежные исследователи смотрят на феномен построения отношений с Москвой с других проблемных позиций. Например, Х. Арнольд рассматривает Германию как государство, призванное действовать не столько в узконациональных интересах, сколько в логике гражданской, ценностной и экономической ответственности. Т. Ваггенсон обращает внимание на изменчивость германского внешнеполитического курса в зависимости от конфигурации национального истеблишмента. Вопрос влияния политического прошлого на современную политику и преемственность по отношению к ней поднимается в работе В. Хильца и коллективном труде Р. Штеса и Г. Нойбауэра.

Оценка *экономических отношений* на уровне РФ–ФРГ имеет множество измерений, уточняющих развитие сотрудничества

Среди *отечественных* исследователей следует выделить А. И. Егорова, подробно анализировавшего движение денежных потоков, И. Ф. Максимычева и А. А. Ахтамзяна, исследовавших кредитную проблематику и

ее связь с выводом советских войск из Германии, а также коллективные работы И. Н. Ефременко и Н. О. Панченко, посвященные координации бизнеса в условиях кризисов 1990-х гг. Отдельное значение имеет труд С. В. Смирнова, рассматривающего проект «Северный поток» как важнейший символ и инструмент нового этапа экономического сближения

Анализ экономических межгосударственных отношений в рамках *зарубежной* академической дискуссии часто подчеркивает важность энергетической дипломатии, что видно по работам А. Рара, Г. Шпангера и его коллеги П. Шульца, Р. Гетса. а также по исследованию Р. Вайза, Х. Шмидта и К. Мюллера, посвященному проблеме финансовой ликвидности.

Значительный вклад в систематизацию *культурного взаимодействия РФ-ФРГ* в контексте научного сотрудничества внес В. Б. Белов, воссоздавший в своем исследовании большое количество кейсов взаимодействия. Анализ гуманитарного взаимодействия в диссертационном исследовании выполнен в работе Н. В. Павлова, а для обогащения исторической логики деталями деятельности научных центров крайне содержательной была статья А. Ю. Безродной.

Отдельное внимание в диссертационном исследовании уделяется и специальным, более узким аспектам темы: деятельность Петербургского диалога, проблема реституции, роль общественных посредников раскрываются в работах Т. И. Ивановой, Ю. В. Родовича, Б. Л. Хавкина.

Таким образом, отдельные аспекты российско-германских отношений в 1994–2005 гг. получили в историографии достаточно широкое освещение. Однако до настоящего времени отсутствует комплексное исследование, в котором эти отношения рассматривались бы как целостный двухуровневый феномен. Восполнение этого пробела составляет одну из центральных задач настоящей работы.

Объект исследования: российско-германские отношения в контексте системы координат Россия-ЕС-Германия.

Предмет исследования: практика формирования и эволюция российско-германских отношений (1994–2005 гг.) в двустороннем и общеевропейском форматах.

Цель исследования – выявить факторы и механизмы развития отношений между ФРГ и РФ, в четырех измерениях: правовом, политическом, экономическом и культурном.

Задачи исследования:

- определить содержание и роль общеевропейского уровня во взаимодействии Москвы и Берлина, включая вклад ФРГ и последствия для двусторонних отношений.
- выявить факторы, механизмы и ограничители развития отношений между ФРГ и РФ на двустороннем уровне взаимодействия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1994 до 2005 гг. Нижней хронологической границей исследования выступает год подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС). Соглашение фиксирует в себе широкий спектр сфер сотрудничества и выступает правовой основой для кооперации между Москвой и Берлином на европейском уровне.

Верхняя хронологическая рамка обусловлена переходом Соглашения в новый режим «четырех общих пространств» и сменой политического руководства ФРГ, повлекшей за собой пересмотр подходов к выстраиванию взаимоотношений между странами.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование основано на анализе широкого круга источников, раскрывающих отношения между ФРГ, РФ и ЕС. Источниковая база исследования разделена на пять групп.

К **первой** относятся **источники официального происхождения**. В зависимости от характера применения в диссертации они делятся на несколько подгрупп. *Первая* подгруппа – *нормативно-правовые акты*. В нее входят российские федеральные законы, актуализировавшие отдельные проблемные

аспекты двусторонних отношений, а также документы, определяющие развитие правового контекста ФРГ и ЕС. Для понимания интеграционной траектории Германии и границ ее субъектности особое значение имеют Основной закон ФРГ и ключевые договоры европейской интеграции, включая Единый европейский акт, Маастрихтский договор и его последующие редакции. К этой же подгруппе примыкают стенограммы, содержащие речи Герхарда Шредера и позволяющие реконструировать аргументацию канцлера по российскому направлению.

Вторая подгруппа – международные соглашения и декларации, позволяющие определить участников международного процесса, характер взаимодействия между ними и круг взаимных интересов. В данную подгруппу входят Заключительный акт СБСЕ, договоры и соглашения между ФРГ и РФ (в ряде случаев — СССР), включая Договор о добрососедстве, соглашения об окончательном урегулировании в отношении Германии и выводе советских (российских) войск, а также многочисленные рамочные документы, посвященные культурному, научно-техническому, молодежному, таможенному и иным направлениям сотрудничества. Особое значение имеют документы, определявшие многоуровневую архитектуру отношений России, Германии и ЕС: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, Совместная стратегия ЕС по отношению к России, Стратегия развития отношений РФ с ЕС на среднесрочную перспективу, «дорожные карты» четырех общих пространств и совместные заявления сторон.

Третья подгруппа – партийные программы и коалиционные соглашения, изданные в исследуемый период. Их значимость определяется тем, что они фиксируют идеологические рамки, ожидания германского политического истеблишмента в отношении России и позволяют включить в анализ вопрос электоральной обусловленности внешней политики.

Ко второй группе относятся документы личного происхождения. Книга воспоминаний М. Горбачева, мемуары Б. Ельцина и немецких канцлеров позволили реконструировать ментальные основания лидеров эпохи

для взаимодействия Берлина и Москвы на международной арене. Эта группа источников уточняет роль личностного фактора в дипломатическом процессе и внутриполитическом процессе и ограничения в этой роли.

В третью группу источников включены статистические и аналитические материалы. Эти документы позволили оценить экономическую базу международных отношений, проследить динамику развития РФ, масштабы кооперации между акторами, отраслевую специфику взаимодействия и структуру движения денежных средств на европейском уровне. Наиболее значимыми в этом отношении стали аналитика и инструменты Всемирного банка. Важное значение имели также документы Еврокомиссии, прежде всего материалы, касающиеся применения антидемпинговых мер в отношении третьих государств.

Четвертая группа источников – материалы средств массовой информации. В исследовании использованы данные информационных агентств (РИА новости, Interfax, Регнум), газет (Коммерсант) интернет-представительства президента (Кремлин), агрегатора новостей (Иносми).

Пятая группа источников – это аудиовизуальные материалы, включающие съемку вывода Западной группы войск с последующей церемонией прощания, которую посетил Г. Коль и цифровая биография канцлера, созданная центром имени Г. Коля. Отдельно стоит отметить каталог выставки «Москва-Берлин 1900-1950», концепцию и предисловие, к которому разработали М. Туровская и М. Меркерт. Эта группа источников, обладающая высокой символической насыщенностью, позволила глубже понять дух эпохи, культурный контекст и инструментарий гуманитарного взаимодействия.

Теоретико-методологическая база исследования формируется на пересечении нескольких традиций теории международных отношений: реализма, либерального институционализма и конструктивизма.

Реалистическая традиция, представленная идеями Х. Моргантау, К. Уолца и Дж. Миршаймера, используется для анализа соотношения национальных интересов, баланса сил и стратегического поведения

государств. Либеральный институционализм, представленный прежде всего работами Р. Кеохейна, позволяет исследовать роль международных институтов, норм и процедур в структурировании взаимодействия между государствами.

Для анализа германского подхода к институтам автор обращается к концепции «гражданской силы» (*Zivilmacht*) Г. Маулля. Другим направлением неолиберальной традиции, примененным в исследовании, выступает концепция «мягкой силы» Дж. Ная, позволяющая рассматривать культуру и культурную политику как инструмент внешнеполитического влияния.

Теоретическую основу конструктивистской перспективы составили работы А. Вендта, согласно которым национальные интересы производны от убеждений акторов, а дополнением к ним выступает теория секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений (Б. Бузан, О. Вейвер), позволяющая учитывать, как представления о безопасности и угрозах воздействуют на поведение сторон.

Синтез указанных подходов обеспечивает комплексный анализ российско-германского взаимодействия в четырех измерениях.

Ключевыми методами исследования выступают:

Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию российско-германских отношений в их правовом, политическом и институциональном развитии.

Историко-сравнительный метод применялся при сопоставлении различных моделей европейской интеграции, подходов сторон к безопасности и форматов взаимодействия.

Метод анализа кейсов дал возможность раскрыть содержание отдельных измерений отношений на репрезентативных примерах.

Метод дискурс-анализа, опирающийся на работы М. Фуко, использовался прежде всего при исследовании политического измерения, позволяя выявить представления сторон друг о друге и проследить их

трансформацию на материале речей политиков, партийных программ, стенограмм парламентских обсуждений и нормативных документов.

Статистический метод использовался при анализе электоральной динамики и экономических показателей, включая движение капитала и прямых иностранных инвестиций.

Научная новизна диссертационного исследования связана с восполнением пробелов в изучении российско-германских отношений постбиполярного периода и выражается в следующем:

1. Впервые становление и развитие отношений между Германией и Россией в 1994–2005 гг. анализируется через призму концепции «гражданской силы» Г. Мауля (*Zivilmacht*), что позволило зафиксировать изменение германского курса от нормативно-идеалистических установок к более прагматичным моделям взаимодействия с Россией в условиях меняющейся международной среды.

2. Элементом новизны является применение нормативного подхода к исследованию российско-германских отношений, что дало возможность рассмотреть их как комплексный феномен, раскрываемый через четыре взаимосвязанных измерения (правовое, политическое, экономическое и гуманитарно-научное).

3. Автор впервые для анализа отношений ФРГ и РФ в 1994–2005 гг. вводит в научный оборот новый пласт источников. В исследовании используются оцифрованные стенограммы Бундестага, составным элементом которых являются речи Герхарда Шредера. В сочетании с другими группами исторических документов и мемуарной литературой, это позволило реконструировать аргументацию и установки немецкого политического истеблишмента в отношении России.

4. В исследовании предложена и обоснована авторская периодизация становления и развития отношений ФРГ и РФ в 1994–2005 гг., включающая ключевые этапы: генезис, институционализацию, расширение повестки и

кризисные проявления, что позволяет уточнить динамику и внутреннюю логику взаимодействия в постбиполярный период.

5. С помощью статистического метода, примененного к показателям (индексам) прямых иностранных инвестиций, выявлено и конкретизировано противоречие между декларируемой приоритетностью и глубиной экономического взаимодействия в отношениях ФРГ и РФ и фактическими результатами сотрудничества, что уточняет оценку экономического измерения отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношения между РФ и ФРГ в 1994–2005 гг. развивались как многоуровневый процесс, сочетающий двусторонние механизмы и общеевропейские каналы. ФРГ задействовала институциональные процедуры ЕС и практики выработки внешнеполитических решений как дополнительный ресурс реализации своих приоритетов в диалоге с Россией, что в ряде случаев влияло на формирование рамок взаимодействия и повестки.

2. Институционализация и правовое закрепление российско-германских отношений в 1994–2005 гг. не обеспечили их устойчивой и глубокой реализации на практике: на межгосударственном и общеевропейском уровнях сохранялись ограничения, обусловленные различием установок и ожиданий сторон, а также расхождениями в трактовке целей европейского порядка и безопасности, что повышало зависимость результатов взаимодействия от внешней конъюнктуры.

3. Российско-германское взаимодействие в 1994–2005 гг. не привело к формированию долгосрочной общности стратегических интересов и высокого уровня взаимного доверия. Несмотря на расширение повестки и наличие различных форматов сотрудничества, достигнутые результаты оставались преимущественно секторальными и не складывались в устойчивую «общую стратегию». Партнерская риторика в этот период выполняла главным образом функцию обозначения целей и рамок взаимодействия, тогда как реальные

пределы сближения задавались структурными расхождениями и асимметрией институциональных возможностей сторон.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью переосмысления накопленного опыта взаимодействия сторон. Несмотря на множество институциональных инициатив, российско-германские отношения столкнулись с целым рядом факторов, ограничивших возможности их полноценного развития

Другим аспектом практической значимости выступает возможность использования работы в сферах преподавания таких предметов как история Германии, история интеграционных объединений, история современной России или в экспертных аналитических кругах, осуществляющих профильную деятельность по изучению взаимоотношений между ФРГ и РФ в широком контексте.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории и была рекомендована к защите. Основные положения и выводы работы нашли отражение в 4 научных статьях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях рекомендованных ВАК.

Отдельные положения диссертации были представлены в докладах на 4 научных всероссийских и международных конференциях.

Структура работы соответствует логическим и содержательным линиям темы исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и восьми приложений, включающих авторские схемы и таблицы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность темы исследования, терминология, степень изученности темы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, его хронологические рамки, проанализированы источниковая база, теоретические и методологические

принципы исследования, его научная новизна, выделены положения, выносимые на защиту, представлены практическая значимость результатов и структура диссертации.

Первая глава «Отношения РФ и ФРГ в контексте эволюции Европейского союза» посвящена европейскому измерению российско-германских отношений в 1994–2005 гг. и анализу того, каким образом общеевропейский уровень взаимодействия становился частью диалога Москвы и Берлина, одновременно расширяя его возможности и задавая его ограничения.

В *первом параграфе* «Развитие институциональных механизмов ЕС и их значение для российско-германских отношений» анализируется эволюция институтов Европейского союза и их значение для российско-германских отношений. Показано, что роль Германии в формировании европейской повестки по российскому направлению не сводилась к конъюнктуре 1990-х – начала 2000-х гг., а опиралась на длительный историко-правовой процесс наращивания влияния ФРГ в европейских институтах.

В диссертации прослежено, как в послевоенный период Германия связывала восстановление своей субъектности с участием в коллективных структурах, используя европейскую интеграцию как ресурс политического и экономического усиления. На этой основе делается вывод, что к началу исследуемого периода ФРГ выступала как актер, способный сочетать две стратегии внешней политики: национальную и общеевропейскую. Такое сочетание было применено и к российскому направлению, что привело к тому, что взаимодействие с Берлином складывалось не только в двустороннем формате, но и через европейские механизмы коллективных решений, нормативных режимов и процедур согласования.

Во *втором параграфе* «Договорные режимы ЕС в отношении России» проанализированы ключевые договоры и решения, формировавшие правовую и политическую рамку взаимодействия России с ЕС и, опосредованно, российско-германских отношений. Краеугольным камнем в этом случае

выступает Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС 1994 г. (СПС) как базовая правовая конструкция, задавшая многоотраслевой характер повестки и институциональные каналы диалога. Показано, что СПС, с одной стороны, создавало устойчивые форматы взаимодействия, а с другой содержало размытые механизмы их реализации.

В этой же логике рассмотрено влияние институциональных реформ ЕС (включая Амстердамский договор и последующее развитие интеграционного объединения) на российское направление. Автор показывает, что расширение внешнеполитических компетенций ЕС и усложнение процедур координации приводили к двойственному эффекту: повышалась формальная согласованность политики ЕС, но одновременно возрастали барьеры для гибкого взаимодействия с Россией, поскольку многие решения требовали многоступенчатого согласования и были встроены в нормативно-ценностную логику европейского миропорядка.

Особое место занимает анализ перехода к формату «четырёх общих пространств» в 2005 г. Демонстрируется, что этот пакет документов должен был снять противоречие между широтой заявленных целей и практической фрагментарностью сотрудничества, предложив структурирование повестки и отраслевые механизмы взаимодействия. Вместе с тем диссертация фиксирует ограниченность эффективности данной модели: «дорожные карты» в значительной степени закрепляли направления работы, но не устраняли расхождения в ожиданиях и интерпретации норм, что являлось ключевой проблемой всех прошлых форматов.

Третий параграф «Особенности экономического взаимодействия между странами на европейском уровне» раскрывает экономическое измерение европейского уровня отношений. В диссертации показано, что экономическая составляющая в 1994–2005 гг. развивалась в условиях специфического распределения ресурсов: значительная часть торгово-экономических механизмов была встроена в политику ЕС, что ограничивало прямое маневрирование государств-членов, но одновременно открывало

пространство для влияния через европейские процедуры. На этом фоне Германия могла продвигать свои интересы как через двусторонние каналы (кредитные и проектные инструменты), так и через общеевропейские режимы регулирования торговли и рынка.

Отдельно анализируются механизмы торговой политики ЕС, включая применение антидемпинговых процедур и иных инструментов регулирования отношений с третьими странами. Автор заявляет, что «европейский» уровень в экономике также как и в политике выступал не только средой сотрудничества, но и фактором ограничений: формулы доступа к рынку и регулирования конкуренции становились частью переговорной позиции и влияли на баланс сил в рамках рыночных отношений. Через анализ конкретных кейсов демонстрируется, как институциональные правила ЕС задавали структурные условия торговли с Россией и, следовательно, формировали контекст германо-российского экономического взаимодействия.

Существенным результатом параграфа является выявление противоречия между устойчивой риторикой о приоритетности экономического партнерства и фактической динамикой капитала. На основе статистического анализа (включая индексы прямых иностранных инвестиций) показано, что глубина экономической взаимосвязи не всегда соответствовала позитивной риторике сторон: при наличии крупных инвестиционных проектов и высокой политической значимости энергетического направления движение капитала и инвестиционные предпочтения демонстрировали более сложную и неоднородную картину. Этот вывод позволяет уточнить оценку экономического измерения взаимодействия: оно было важным, но не являлось универсальным «якорем» устойчивости отношений и не снимало политико-институциональные ограничения.

В *четвертом параграфе* «Участие ФРГ в формировании научно-технического сотрудничества в европейском измерении» рассмотрены культурные и научно-технические аспекты сотрудничества, реализованные через общеевропейские программы при участии российских организаций и

коллективов. Обозначено, что гуманитарно-научное измерение на европейском уровне выполняло особую функцию: оно создавало сеть контактов и практик взаимодействия, менее зависимых от колебаний «высокой политики», повышая тем самым плотность повестки и общую способность сторон находить общий язык.

В диссертации подчеркивается роль институциональных рамок ЕС (программы и проекты в области науки, образования и культуры) как инфраструктуры кооперации. Такой формат позволяет фиксировать устойчивые направления взаимодействия и включать российскую сторону в совместные инициативы, в том числе инициированные германской стороной. Вместе с тем автор отмечает и ограничения данного формата: участие в программах зависело от регуляторных режимов, условий финансирования и общеполитического контекста, а результаты кооперации оставались преимущественно секторальными. Тем не менее именно в гуманитарно-научной сфере наиболее отчетливо проявлялась логика «мягкой силы» и нормативного взаимодействия, которая дополняла политико-правовые и экономические аспекты международных отношений.

Вторая глава «Особенности развития отношений РФ и ФРГ на межгосударственном уровне» посвящена национальному вектору взаимодействия России и Германии и раскрывает формы реализации политики сторон в рамках традиционной дипломатии, двусторонних соглашений и межгосударственных механизмов координации. Показано, что именно двусторонний формат придавал отношениям наибольшую предметность: здесь концентрировались ключевые политические договоренности, правовые решения, финансово-экономические компромиссы и гуманитарные инициативы. Вместе с тем межгосударственный уровень не существовал изолированно, а постоянно соотносился с общеевропейским контекстом, который одновременно расширял возможности взаимодействия и задавал его пределы. *Первый параграф* «Политико-правовая рамка двусторонних отношений» посвящен становлению договорной базы российско-германского

взаимодействия в постсоветский период. Раскрывается, что ее формирование началось еще в контексте объединения Германии и вывода советских войск, то есть до окончательного оформления новой международной субъектности России.

В этом отношении особое значение имели Договор «Два плюс четыре», соглашения о выводе войск и Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 г., ставший правовым «мостом» между позднесоветским и постсоветским этапами отношений. В диссертации подчеркивается, что уже в начале 1990-х гг. стороны заложили широкую нормативную основу сотрудничества, включавшую не только политический диалог, но и экономику, науку, культуру, межведомственное взаимодействие и вопросы исторической памяти.

Особое внимание уделено соглашениям о культурном сотрудничестве, взаимодействии таможенных служб, уходе за военными захоронениями, а также всему комплексу финансово-правовых договоренностей, сопровождавших вывод Западной группы войск. Реализовывается логика того, что этот процесс имел не только символическое, но и практическое значение: урегулирование вопросов военного присутствия, компенсаций, жилищного обеспечения и последующее «нулевое решение» способствовали закрытию наиболее чувствительных сюжетов послевоенного наследия и укрепляли институциональные основания двусторонних отношений.

Вместе с тем сделан вывод, что сама по себе высокая плотность договорной базы не обеспечивала устойчивости взаимодействия. Многие документы создавали необходимые форматы диалога и фиксировали готовность к кооперации, однако их практическая эффективность зависела от совпадения ожиданий сторон, политической конъюнктуры и общего состояния европейского порядка. Тем самым правовая база выступила необходимым, но недостаточным условием углубления российско-германских отношений.

Во *втором параграфе* «Трансформация риторики и политических установок в российско-германских отношениях» рассматривается эволюция политической риторики и смысловых рамок двустороннего взаимодействия. Показано, что распад СССР не привел к радикальному пересмотру базовых установок германских элит в отношении России: в партийных документах ХДС 1990 и 1994 гг. сохранялась установка на развитие отношений с Москвой как важным условием общеевропейской стабильности.

При этом новый этап политического наполнения двустороннего диалога связан с приходом к власти коалиции СДПГ и «Зеленых» в 1998 г. В диссертации демонстрируется, что эта внутривнутриполитическая конфигурация задавала двойственную логику: с одной стороны, в ней присутствовал запрос на обновление отношений с Россией, а с другой сохранялась привязка к ценностной риторике, тематике демократических реформ и евроатлантической повестке безопасности. Потенциал сближения дополнительно ограничивался критикой чрезмерно персонализированного стиля взаимодействия эпохи Г. Коля и высокой чувствительностью к теме применения силы после Косовского кризиса.

Поворотным моментом стали приход к власти В. В. Путина и «импульс» 2001 г., когда визит российского президента в ФРГ и его выступление в Бундестаге совпали с переоценкой вопросов безопасности в западных странах после терактов 11 сентября. На этом фоне фиксируются постепенное смягчение германской позиции по Чечне, расширение практики регулярных консультаций и заметное сближение подходов по ряду международных вопросов. Кульминацией этой тенденции стала согласованная позиция России, Германии и Франции по иракскому кризису, продемонстрировавшая одновременно пик политического сближения и пределы его устойчивости.

Третий параграф «Особенности развития экономических отношений между ФРГ и РФ на двустороннем уровне взаимодействия» рассматривает экономическое сотрудничество как наиболее прагматичное и динамичное измерение российско-германских отношений. В рамках повествования

подчеркивается мысль, что в 1990-е гг. экономическая повестка во многом держалась на торговых, кредитных и финансово-страховых инструментах, включая схемы поддержки экспорта, государственные гарантии и межведомственную координацию, позволявшие сохранять взаимодействие даже в условиях нестабильности российской экономики. Тем самым ранний этап двусторонних отношений во многом развивался в логике перехода от донорско-реципиентной конфигурации начала 1990-х к более взаимовыгодной модели сотрудничества.

В диссертации выявлено, что в начале 2000-х гг. акцент смещается к крупным долгосрочным проектам, прежде всего в энергетике. Именно здесь формируется наиболее плотная связность интересов сторон: Германия усиливает свои позиции как ключевой торговый партнер России, а совместные проекты начинают связывать Москву и Берлин не только торговыми потоками, но и общей инфраструктурой. В этом смысле принципиальное соглашение по проекту «Северный поток» в 2005 г. выступило символом нового этапа экономического сближения, обозначив переход от простой модели «поставщик – потребитель» к проектной, как правило энергетической, взаимозависимости.

Вместе с тем экономическое взаимодействие оставалось неоднородным и не сводилось к набору успешных кейсов. Ограничения инвестиционного климата, различие ожиданий сторон относительно глубины интеграции и зависимость двусторонних проектов от более широкой европейской и международной конъюнктуры не позволяли превратить экономическую сферу в универсальный стабилизатор отношений. Тем самым она выступала важной опорой двустороннего диалога и источником конкретных выгод, но не снимала более глубоких политических и институциональных противоречий.

В четвертом параграфе «Культура, образование и наука как проводники доверия между Москвой и Берлином гуманитарное измерение рассматривается как особая инфраструктура доверия, складывавшаяся через совокупность институтов, программ и практик, обеспечивавших плотность

контактов уже на уровне гражданских обществ. Анализируются деятельность германских организаций в сфере культуры и образования, академические и молодежные обмены, развитие научного сотрудничества и появление устойчивых платформ общественного диалога, прежде всего Петербургского диалога.

Изложено, что именно гуманитарная сфера была одним из ключевых каналов реализации инструментов «мягкой силы», формируя устойчивые коммуникационные сети и поддерживая позитивный образ государства через образовательные, культурные и научные практики. Вместе с тем диссертация выявляет и вторую сторону данного процесса: гуманитарное взаимодействие оказывалось зоной повышенной чувствительности, где особенно остро проявлялись вопросы исторической памяти и проблема реституции. Кроме того, ряд инициатив сдерживался финансовыми ограничениями и зависел от общего политического фона отношений.

Автор подчеркивает двойственность гуманитарного измерения: с одной стороны, оно способствовало расширению контактов и формированию устойчивых коммуникационных сетей, с другой, оно, по-прежнему, оставалось уязвимым к политизации. Тем самым гуманитарная кооперация выступала важным элементом «партнерской инфраструктуры», но не могла полностью компенсировать структурные расхождения в понимании европейского порядка и безопасности.

В заключении представлены основные выводы исследования.

Во-первых, отношения между Германией и Россией в 1994–2005 гг. носили многоуровневый и многовекторный характер. Берлин, реализуя свою внешнюю политику, использовал не только классические двусторонние каналы, но и общеевропейские механизмы, выступавшие инструментом рамочного оформления взаимодействия и усиления переговорных возможностей. Такая конфигурация стала возможной благодаря длительной линии ФРГ на развитие институциональных процедур ЕС и расширение их применимости в сфере внешнеполитических решений. В результате, это

позволяло Германии сочетать европейский и межгосударственный уровни политики в отношении России, в том числе через процедурные режимы и практику председательства, формирования повестки и институциональную «настройку» механизмов согласования позиций.

Маневрируя между европейским и двусторонним форматами, Германия в ряде случаев могла оказывать влияние на содержание диалога и актуальную повестку, что формировало асимметрию институциональных возможностей сторон.

Во-вторых, эволюция российско-германских отношений в 1994–2005 гг. в значительной мере определялась расхождением институциональных установок сторон и различиями в понимании целей европейского порядка и безопасности.

Ожидания Германии определялись ее двойной ролью: национального государства и лидера ЕС. В этой связи Берлин был ориентирован на институционализацию взаимодействия в общеевропейских правовых рамках, повышение предсказуемости и управляемости кооперации при одновременной защите собственных национальных интересов.

Россия, напротив, ожидала признания равноправного характера взаимодействия, расширения доступа к рынкам, технологиям и инвестициям ЕС, укрепления долгосрочной взаимосвязи в энергетике и инфраструктуре, поэтапной визовой либерализации, а также приоритета двустороннего канала с ФРГ как более гибкого механизма согласования позиций и «мостика» к институтам ЕС.

Разнонаправленность ожиданий сторон выдает и более глубокие проблемы: различие в интерпретации норм и процедур европейского порядка, а также в подходах к безопасности и региональному управлению рисками. Следствием данного разрыва стал рамочный, в значительной степени

декларативный характер большинства договоренностей, имевших размытые механизмы реализации на всем протяжении исследуемого периода.

Опираясь на эту логику, можно выявить и общую тенденцию в отношениях между Берлином и Москвой. Их развитие носило импульсный характер с тремя фазами: 1994–1997 гг. – позитивный импульс, включавший оформление правовой рамки и институциональных предпосылок (в том числе в общеевропейском контуре); 1997–1999 гг. – спад и нарастание противоречий на фоне расхождений в трактовке вопросов безопасности; с 2000 гг. – прагматическое сближение, обусловленное внутренней консолидацией России и внешним контекстом после 11 сентября 2001 г., при сохранении старых структурных противоречий.

На концептуальном уровне это выразилось в устойчивом контрасте: нормативная идентичность ЕС/ФРГ, основанная на логике «гражданской силы» и инструментарии «мягкой силы», проявлявшаяся в диалоге культур и гражданских обществ, сосуществовала с практикой прагматизации отношений на межгосударственном уровне и даже эпизодическим применением «жесткой силы» в коалиционных форматах (участие Германии в операции НАТО на Балканах).

Для российской стороны применение «жесткой силы» было нарушением представлений о безопасности европейского континента. Следствием этого стал тренд на возврат к реалистскому прочтению безопасности. Москва стала более скептически смотреть на перспективы «европеизации» правил взаимодействия и роль ФРГ как посредника в Брюсселе.

В-третьих, достигнутые в 1994–2005 гг. результаты взаимодействия ФРГ и РФ не трансформировались в долгосрочную общность стратегических интересов и высокий уровень взаимного доверия. Несмотря на заявляемую комплексность повестки, итоги сотрудничества носили преимущественно секторальный и ситуационный характер: успехи достигались по отдельным

направлениям и не всегда преобразовывались в устойчивую «общую стратегию».

В этом смысле употребление в политической риторике термина «стратегическое партнерство» лишь частично соответствовало реальному состоянию отношений: он фиксировал целеполагание сторон и задавал долгосрочную и гибкую рамку повестки дня, но не означал достижения уровня полноценного стратегического союза.

Подводя итог, отметим, что в 1994–2005 гг. отношения между ФРГ и РФ развивались как многоуровневый процесс, в котором двусторонний диалог постоянно соотносился с общеевропейскими механизмами и ограничениями. При наличии значительного потенциала и отдельных успехов, траектория отношений во многом определялась структурными расхождениями и асимметрией институциональных возможностей, а также изменениями внешней среды.

Эти ограничения следует учитывать при дальнейшем анализе и практическом выстраивании отношений России, Германии и Европейского союза. Тем самым период 1994–2005 гг. выступает ключевым этапом институционального оформления российско-германских отношений и одновременно «тестом на устойчивость» выработанных механизмов взаимодействия в условиях меняющейся европейской и международной конъюнктуры.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ по специальности:

1) Хорошевский Г.А. Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 41–52

2) Хорошевский Г.А. Влияние Германии на процесс принятия внешнеполитических решений в ЕС: от Маастрихтского договора (1994г.) к Амстердамскому договору (1997 г.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 94-98

3) Хорошевский Г.А. Эволюция стратегического партнерства в ФРГ: от В. Брандта до Г. Шредера // Исторический бюллетень. 2025. Т.8. № 1. С. 239-244

Статьи в других научных изданиях:

4) Хорошевский Г.А. Стратегическое партнерство ФРГ – РФ в современной российской историографии // Глобальные вызовы и актуальные рецепции в исторических нарративах XX-XXI вв. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. Москва: РГГУ, 2024. С. 108-112.